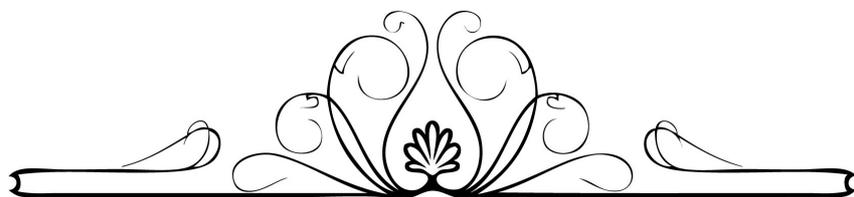

АРГН оп. 1 д. 158

Р. Г. Назиров

Эпическая основа
«Войны и мира»

[Посмотреть Стейнера и Купреянову].

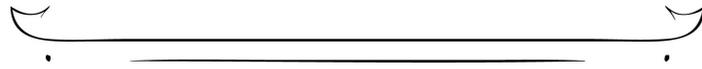
«Илиада» и «Одиссея» — два эпических свода, основанных на общеизвестных сказаниях и мифах. Интерес этой литературы заключался не в общеизвестной фактичности содержания (историю Троянской войны знали все), а в оригинальности варианта, в перестановке акцентов, в новизне освещения фигур и их оценке. Ну, конечно, ещё компоновка, тот или иной вырез из бесконечности мифа: Гомер начинает не *ab ovo*, а *in medias res*. «Гнев Ахилла!».

Поэмы очень разные. В «Одиссее» — центральный герой. Один. Личная отвага и ум. Семейная тема: Одиссей, Пенелопа, Телемак. «Одиссея» сложилась позже, она романичнее «Илиады». Роман происходит не от эпоса, а от волшебной сказки. «Одиссея» — сказка с приключениями (Синдбад-Мореход). В ней и время-то сказочное. В «Илиаде» — эпическое (неск<оль>ко дней).

Эти две поэмы не написал один человек. Их написала (вернее, оформила) одна семья. М<ожет> б<ыть>, дед, сын, внук. Семейная традиционность приёмов. История искусства знает династии музыкантов (Бах), живописцев (Брёйгель), писателей (Дюма). Василий Львович Пушкин был неплохой поэт; Пушкин воспринимал дядю как литературного предка («Мой брат двоюродный, Буянов...»).

«Война и мир» — не только как «Илиада», но и как «Одиссея». — Две великих поэменных основы сконструированы параллельно, и Ахилл — друг Одиссея. Ахилл — это Андрей Болконский, тип непобедимого героя, бестрепетно идущего на гибель. Слава — его рок. Он обречён на подвиг. Черты обречённости. Увидев после Аустерлица, что Агамемнон (так называли Александра) не ценит честь и боевую заслугу, что Россия неблагодарна к героям (к Тушину, Болконскому, Кутузову), Ахилл обиделся. Гнев князя Андрея: «Не пойду в армию, хотя бы французы под Смоленском стояли».

Но когда они «убили Патрокла», вторглись без объявления войны, Андрей пошёл. Его героизм — это героизм народа. Он в данный момент представляет народ. Он убил Гектора и сам погиб (Бородино). Его Ахиллесово пята — гордыня. Почему не бросился наземь перед бомбой? Потому что так не побеждают, а он обречён побеждать (даже в смерти).

Полковник наш рождён был хватом,
Слуга царю, отец солдатам...

....

«Умрёмте ж под Москвой!» – И умер.

Аристократический гуманизм князя Андрея – он способен любить чуждое человечество лишь с высоты собственной славы. Только как герой он может любить людей. Но, презирая своих мужиков, он даёт им больше благ, чем наивный гуманист Пьер – своим.

Пьер – простодушный Одиссей. Он мудр сердцем, а не умом. Но это же и мудрость Одиссея, стремящегося всегда домой, к родине, очагу, Пенелопе и сыну.

Вся жизнь Пьера – возвращение на Итаку. Возвращение к себе. Его исходная ситуация – естественность (*l'homme de la nature*) и вольномыслие (поклонник революции). Когда он сказал: «*Je vous aime*» – и женился на Элен, он стал на ложный путь. Вереница самообманов: брак, гуманное управление имениями, масонство, мечта убить тирана (Наполеона). Дуэль с Долоховым – ложь, неестественного убивать из-за глупого слова, нечеловечно драться из-за самки (да она ему и не нужна). В конце концов Пьер возвращается к естественности, к своей собственной демократической природе (ведь он незаконный сын, наполовину из народа, не аристократ).

Пьер всегда в странствиях. Встречи на дорогах: Баздеев, Рамбаль, Каратаев, Даву. Элен – его Цирцея, она всех превращает в свиней, кроме него. Путешествие было у Гомера реальным выражением познания и развития, учились они в странствиях; у Толстого путешествие формализуется, оно символ познания и развития. Движение в пространстве символизирует движение характера.

Эпические сравнения Гомера (с сельхозтрудом). У Толстого они стали иллюстративными вставками. Контрастная функция осталась: война сравнивается с крестьянской работой (молотьба).

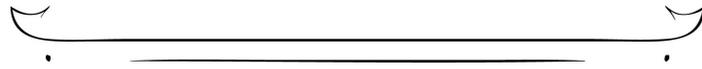
Черна земля под копытами косями усеяна. Тугою взыдоша по Русской земле.

В былинах герой валит врагов снопами.

У Толстого, как у Гомера, нет интереса фактичности: историю Наполеона и 1812 года знают все. Но перестановка акцентов! Сенсационное освещение! Оценка Наполеона и Александра! А «старый сатир» Кутузов! А шут гороховый Мюрат! Даву = Аракчеев (что неточно, Аракчеев был трус)...

Словом, Толстой поразил мир резкой независимостью мнения, величиим мысли, независимой от казённых мифов. Гомер тоже. Толстой, как и Гомер, отменил прежние варианты и интерпретации этих событий. Осталась лишь его картина той битвы и войны.

Двойная мифология «Войны и мира» объясняется параллелизмом конструкции. Миф народа – в илиадной линии, миф героя – странника – в одиссейной линии.

Вернее, пересечение: дальше опять расходятся. Незакрытость, незамкнутость толстовского эпоса. Но ведь и у Гомера Телемах будет жить дальше, как юный Болконский в эпилоге.

Цементом конструкции в «Илиаде» являются сцены на Олимпе, советы богов. Это и есть гомеровская генерализация истории, выявление высшего смысла событий.

У Толстого нет богов. Высший смысл событий выявляют авторские комментарии в повествовании и историко-философские отступления. Они выполняют обобщительно-скрепляющую функцию и придают событиям высший смысл.

Волеизъявления, вмешательства богов у Гомера выражаются бурями и мраком среди дня. У Толстого это тучки на небе Аустерлица (раненый кн<язь> Андрей) и «говорящий» дождик на Бородинском поле. Боги притворяются природой, а здесь природой притворяется Толстой. Дождик говорит за него.

Он взял на себя композиционные функции олимпийских богов. Он сам бог. Не просто демиург, а бог-участник, пристрастный Зевс.

[на полях к следующему абзацу: ?]

Толстой переиграл заново «Илиаду». У него Троя пала, а затем победила.

Авторские отступления заменили решения и приговоры гомеровских богов. Высшие причины событий.

«Мелочность и генерализация». Внешняя детализация гомеровского эпоса заменена внутренней (микроанализ психики). Но и предметный мир детален, зрим, нагляден. Щит Ахилла и портрет Римского Короля.

Батализм Толстого. От Стендаля, от Фабрицио дель Донго при Ватерлоо: с точки зрения непонимающего штатского участника (Пьера). Однако множественность таких точек (единичных, непосредственных).

Пьер в Москве — как герой «Обручённых» Манцони в чумном Милане. Но Пьер под расстрелом — как Одиссей в пещере циклопа, пожирающего его спутников.

Наташа — Пенелопа, бессознательно ждавшая Пьера. Она пряла (Андрей, Анатоль) и распускала. Тормозящим моментом являются её сердечные увлечения и ошибки (Андрей — тоже ошибка, они не пара).

Элен — пародийная Елена, жена двух мужей, красота без сердца и без духа. Анатоль — баловень судьбы (Парис).

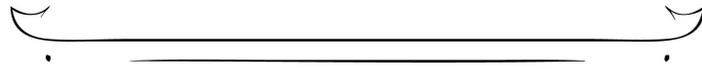
Толстой написал 1 гомеровскую книгу, (народ)

1 шекспировскую книгу, (любовь)

1 дантовскую книгу (ад).

Характерно, что в «Воскресении» он мечтал показать и рай Нехлюдова, но отказался — почему?

Потому, что рай не удался ни Данте, ни Мильтону («Возвращенный», — «Потерянный» удался). Рай никогда не удаётся, это закон природы.

Время кн<язя> Андрея и время Пьера. Два временных отсчёта. Кн<язь> появляется реже. Большие интервалы (два года в плену). Время Пьера – сплошное, все 15 лет.

Утро 7 апр<еля> <19>72.

